

ЖИЗНЬ ПРЕДПОЛАГАЕТ ДВИЖЕНИЕ

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ Ю. ЛАПШИНА И Н. САВРАСОВОЙ
НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ВСТРЕТИЛСЯ С НАРОДНЫМ АРТИСТОМ СССР,
ЛАУРЕАТОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР АЛЕКСЕЕМ БАТАЛОВЫМ

Про артистов цирка говорят: он вырос на манеже. Алексей Баталов вырос в театре. Их дом находился во дворе МХАТа. На лестничной площадке Алеша встречался с «дядей Васей» — Василием Началовым. В театре работали отец и мать, дядя и тетя, братья. В искусство его «благословляли» Станицын и Москвин, Книппер-Чехова и Тарханов.

Его путь в театр был определен. Его будущее назалось простым и ясным — театр, сцена, роли. Но судьбе было угодно переиграть все по-своему. Он стал одним из самых популярных актеров советского кино, а вот на сцену Алексей Баталов не ступал уже четверть века... Неужели у него ни разу не было такого искушения?

— Знаете, я люблю театр глубокой, искренней и с каждым годом все более сентиментальной любовью. В театре я начинал, и до сих пор помню все свои выходы, даже бессловесные. Первое боевое крещение получил на сцене Центрального театра Советской Армии, потом пришел в свой «родной» МХАТ. Очень хотел играть в «Современнике», который в ту пору только рождался. Но как раз начинались съемки — меня пригласил Хейфиц в «Большую родню». А дальше все завертелось — роли, роли, роли...

Меня и сейчас еще спрашивают, почему я не рискну и не вернусь на сцену. Но только дело не в риске. И не в специфике игры на сцене, которой якобы киноактер не сможет овладеть. Нет, рисковать я умею, а в специфику не верю, потому что природа актерского творчества едина и на театральных подмостках, и на съемочной площадке, и на эстраде. Все дело в том, что театр сам по себе меня не привлекает: важна не крыша, не вывеска, а люди, которые там работают, режиссер, которому ты веришь до конца. А с другой стороны — надо, чтобы и в тебя поверили... Если возникнет такой обоюдный интерес, то я готов опять выйти на сцену, тем более, что напроць связи с театром я не порывал. В Московском театре Ленинского комсомола ставил спектакль, на ленинградской сцене готовился сыграть Протасова. Очень хотел попробовать в театре роли Порфирия Петровича и Игрока. Ну что ж, не сбылось. Но я не виню судьбу. С Протасовым я встретился на съемочной площадке, «Игрока» поставил на «Ленфильме». А кроме того, сыграл роли Бориса Бороzdина в фильме «Летят журавли», Гутасва в «Даме с собачкой», Гутасва в «Девяти днях одного го-...» и другими были

вечере случайно сбежались идентичные отрывки из разных фильмов. Вот Румянцев, Гуров, Гусев, Протасов целуют женщину. Всех четырех героев играю я. Повторение, кажется, неизбежно, но какое разное духовное, эмоциональное наполнение несут эти эпизоды в фильмах! Да иначе и быть не может, потому что герои мои — бесконечно разные. Слабовольный, занудный Гуров, вечно сосредоточенный, самоуглубленный Гусев, сотканный из противоречий и неверия в себя и людей Протасов... Они крайне не похожи друг на друга, хотя я почти не прибегаю к гриму и походка у моих героев одинаковая.

В своей длинной уже творческой биографии мне приходилось играть и шофера, и физика, и врача, и всегда находилось несколько человек, которые узнавали в этих экранных героях себя или своих друзей. Значит, моя внешняя неизменяемость не помешала создать портреты людей, принадлежащих к разным социальным группам. Значит, внутреннее преобразование, механизм которого менее заметен на экране, все-таки состоялся.

Меня никогда не интересовало внешнее перевоплощение само по себе, хотя именно оно рождает лестные отзывы о творческом диапазоне актера. Я не против перевоплощения, оно совершенно необходимо в театре, очень часто нужно в кино, но я играл роли, в которых важна не острота характера, а совпадение твоей позиции с позицией героя. И здесь мне было важнее завоевать доверие зрителей, чем поразить воображение критиков острым рисунком роли.

Кино так близко приближает артиста к зрителю — до бисеринок пота, до движения ресницы, что было бы непозволительно с расточительством не пользоваться этим, а прятаться за грим и откровенное ли-

— Другими словами, вы всегда твердо отстаиваете свою собственную концепцию роли. Такая жесткая актерская саморежиссура рано или поздно должна была привести вас в ряды постановщиков. Так оно и случилось. Как режиссер вы вышли «из гоголевской шинели». В данном случае я имею в виду не только сам факт экранизации повести «Шинель», но и остроту рисунка, гротеск, преувеличение, которые вам как актеру были несвойственны...

— Видимо, здесь проявилась та сторона моей натуры, которая не находила реализации в актерском деле. Я мало играл классику — зато ставил ее как режиссер. У меня не было острохарактерных ролей — зато актеры в моих фильмах отдали душу на экцентристику. Однако вряд ли стоит думать, что в режиссуре я предстал в неожиданном качестве. Нет, никакого превращения не произошло. Просто я знал себя еще и таким, а другие не знали, вот и получился неожиданный эффект.

Вот уже много лет я ничего не снимаю как режиссер. С одной стороны, это связано с тем, что какие-то давние замыслы очень трудно осуществить, а с другой — меня сейчас сильно увлекла постановка радиоспектаклей. На радио я поставил «Войну и мир», «Казаков», «Поединнок», «Фаталиста». Работать с такой литературой — всегда большое наслаждение, на радио — в особенности. Здесь возможно